

Александр Оболонский

Цинизм и романтизм как факторы политической жизни: Украина и Россия

Статья посвящена соотнесению моральной базы политических протестов последних лет в России и Украине в рамках шкалы с экстримами – цинизм–романтизм. Проанализировано понятие политического цинизма и его эволюция. В отдельных случаях используются художественные

образы и аналогии. С позиций посттоталитарного синдрома рассмотрены болезни российского политического сознания на уровнях производителей и потребителей смыслов, в том числе – легитимация аморализма, активистский конформизм, синдромы «маленького» и одинокого человека, ценностная аномия. Одним из важных факторов успеха украинской Революции Достоинства автор считает апелляцию к человеческим потребностям высших уровней, к «повышающей» адаптации, в отличие от ориентации на понижающую адаптацию, задающую тон в официозе сегодняшней России, в том числе, при помощи значительной части интеллектуалов. Моральный долг интеллектуалов обеих наших стран – делегитимировать политический цинизм, способствовать сдвигу политического «маятника» к рационализму. Украинские события 2014 года автор оценивает как попытку прорыва от консерватизма к открытой модели общества будущего.

Ключевые слова: мораль, политический цинизм, романтизм, реализм, политиканство, аморализм, солидарность, посттоталитарный синдром, конформизм, ценностная деформация, адаптация, достоинство, государство, публичная служба, гражданская нация, национализм, Майдан, Россия, Украина.

The article compares the moral grounds of political protests in Russia and Ukraine in recent years, within the framework of two extremes – cynicism and romanticism. It analyzes the concept of political cynicism and its evolution. In some cases, the author applies poetic images and analogies. The author examines the Russian political consciousness as illnesses characterized by post-totalitarian syndromes. He also looks at the producers and consumers of various concepts, including legitimization of immorality, activists' conformism, syndromes of a "small" and lonely person, anomia of value systems, etc. The author believes that the success of the Revolution of Dignity depended on the appeal to higher human needs, to "upgrading" adaptation, as opposed to the "downgrading" adaptation that is predominant in present-day Russian officialdom and which is, to a large extent, supported by a considerable number of intellectuals. The moral duty of intellectuals in both countries is to de-legitimize political cynicism and to assist in moving the political "pendulum" towards rationalism. The author believes that the events of 2014 in Ukraine were an attempt to break away from conservatism toward a future model of an open society.

Keywords: morality, political cynicism, romanticism, realism, political intrigues, immorality, solidarity, post-totalitarian syndrome, conformism, deformation of values, adaptation, dignity, state, civil service, civic nation, nationalism, Maidan, Russia, Ukraine.

В советские времена Украина считалась, и не без некоторых оснований, одной из самых консервативных частей СССР, где государственные

репрессии против любого инакомыслия были наиболее жестокими и всеобъемлющими. Разумеется, можно назвать немало исключений и на персональном, и на групповом, и даже на региональном уровнях. Но общий тренд, думаю, отражает

печально памятная фраза: «Когда в Москве стригут ногти, в Киеве рубят руки».

Однако времена, хоть и не сразу, переменялись. И радикально. Сегодняшняя Украина – площадка, на которой в драматичнейших формах происходит поиск новых методов согласования общественных интересов, новых типов взаимоотношений между людьми и властями. Сама по себе ситуация не уникальна. Поиски новой парадигмы отношений государства и общества происходят последние десятилетия во многих странах. Это – большая особая тема за пределами данной статьи.

Для нашего же сюжета важно, что Украина по ряду причин из политического арьергарда переместилась едва ли не на острие этих процессов. Оговорюсь, что хотя и мои эмоции, и моя рефлексия, безусловно, на стороне идеологии Майдана, я тем не менее не склонен к безоговорочной идеализации всего произошедшего и даже происходящего.

Однако при всех сложностях и издержках мне представляется фундаментально важным, что Майдан оживил фундаментальные вопросы политической философии, поставленные еще Томасом Пэйном и другими мыслителями века Просвещения – о праве народа на восстание, об ответственности власти перед людьми, о правомочности вооруженной защиты попираемых прав человека, о соотношении этнической и гражданской наций, и многие другие. Словом, Украина, может, неожиданно для себя самой, но оказалась в авангарде идущих в современном мире поисков новой модели отношений государства и граждан.

Я не берусь судить, насколько она готова к столь обязывающему вызову и не предполагаю сколько-нибудь подробно обсуждать связанные с этим вопросы в данной статье. Да и не статьями они решаются. Поэтому предварю рассуждения по основной теме статьи лишь одним моментом.

При всех различиях страны бывшего СССР, да и всего так называемого «соцлагеря», при попытках построения нового политического режима столкнулись со сходными проблемами. И каждая из проблем стала имманентным препятствием для этого. К их числу относятся: тоталитарное наследие, однопартийность, подчиненность государственных служащих партийному аппарату, явный приоритет в кадровой политике так называемых «политических качеств» над качествами профессиональными и деловыми (т. е. игнорирование merit system) и как интегрирующий фактор – отсутствие ПУБЛИЧНОЙ службы. При попытках ее создания все названные страны столкнулись с се-

рьезными трудностями, поскольку она несовместима с традиционным для них авторитарным способом правления. Некоторые примеры более удачны (как страны Балтии и, как на первый взгляд ни странно, Казахстан), другие менее или совсем неудачны. Но мне не известен ни один полностью позитивный пример создания реально публичной государственной службы в этой части мира. Хуже того, возобладали вариации громоздкого, неэффективного и очень коррумпированного бюрократического государства. И Украина, и Россия находятся в их числе. Причем, по моему мнению, постсоветская украинская бюрократия оказалась даже хуже российской – еще более хищнической, безответственной и циничной. А ресурсов для присвоения было объективно меньше. И оба майдана не в последнюю очередь стали общественной реакцией именно на это обстоятельство.

Перейдем теперь к главной теме статьи. В рамках избранной темы я рассматриваю политический процесс как шкалу с двумя полюсами. На одном из них находится политический цинизм, на другом – политический романтизм. Годы 2011–2012 в России и 2013–2014 в Украине были временем политического романтизма и больших надежд. В России это были Болотная, серия митингов и шествий, коллективные письма известных людей о нарушениях властями законов, так называемые художественные «монстрации» и многое другое. В Украине – МАЙДАН и Революция Достоинства!

Конечно, масштаб несопоставим, но все же было бы несправедливым пренебрежительно недооценивать размах и многообразие форм российских протестов, их реакции на избирательные фальсификации, на другие беззакония властей, на вмешательство в украинские дела и события. Поскольку материалы об этом доступны в интернете и будучи лимитирован объемом, ограничусь для иллюстрации лишь напоминанием о нескольких коллективных письмах в адрес властей, подписанных значительным числом ведущих юристов страны, а также людей самых разных профессий, отнюдь не только либерально настроенных гуманитариев и отнюдь не только москвичей. В них в весьма резких тонах власти обвинялись в попрании Конституции страны как на законодательном, так и правоприменительном уровнях, а также в уголовных преступлениях в формах массовых фальсификаций на думских выборах. Письма получили как внутреннюю, так и международную огласку. Но власти приняли позу известной «слепотной обезьяны».

Российские итоги протестного всплеска, в отличие от событий в Украине, оказались плачевными. Почему? Есть несколько известных и не очень известных вариантов ответов на этот вопрос. Я здесь хотел бы самоограничиться одним важным морально-психологическим аспектом.

Представляется, что политический романтизм, при всей его красоте и возвышенности, не очень эффективен в практическом смысле. Имманентно присущая ему повышенная эмоциональность упрощает политическую реальность, требует быстрого отклика и результата. Романтизм довольно быстро «выдыхается» в удушливой атмосфере *realpolitik*. Антитезой романтизму стала в России активизация политического цинизма. Маятник ушел на противоположный конец шкалы. И поскольку тема политического цинизма сейчас избыточно, даже пугающе злободневна, следует уделить внимание понятийной стороне явления.

Цинизм, как и многое в жизни человечества, родился из парадоксов. И первый из таких парадоксов – этимология самого слова. Как известно, оно произошло от самоназвания древнегреческих киников, людей, для которых главным было не философствование, не игра с понятиями, а «кинический» образ жизни. С веками кинический взгляд на «правила жизни» тем или иным образом вошел в целый ряд на первый взгляд очень разных философских течений и типов поведения – от римского стоицизма и христианского аскетизма до экзистенциализма, хипстерства и других демонстративных форм контркультуры XX–XXI веков. (Ведь «классические» хиппи – настоящие киники, даже по внешнему поведению похожие на Диогена. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный характер приближает его к цинизму в современном смысле.) Но в основном киницизм к собственно цинизму в сложившемся понимании слова имеет скорее вербальное, чем смысловое отношение. И упомянул я об этом, чтобы предотвратить смешение понятий. А теперь перейдем к цинизму в подлинном смысле.

Из многочисленных определений цинизма наиболее четкими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времен. От них и будем отталкиваться. Лишь в немного сокращенном варианте.

«Цинизм – нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда – к офиц. формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Ци-

низм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двойкий источник. Во-первых, это “цинизм силы”, характерный для практики господствующих [...] групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами [...]. Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоев, групп и индивидов, испытывающих гнет несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода [...] и повергнутых в состояние духовной опустошенности»¹. «Цинизм – моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в особенности нравственным ценностям [...], первоначально это – возврат к “естественному состоянию”. Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные»². Развернутый набор элементов цинизма политического (что и является нашим предметом), с развернутым их описанием дал Л. Д. Гудков³. Напомню некоторые основные выделенные им конструкты: негативная мобилизация, понижающая адаптация, отрицание существования у людей «высоких» мотиваций, примитивизация ценностной шкалы и некроз высших ценностей, признание приоритета силы над правом, патерналистские суррогаты идеологии, стерилизация культурных и интеллектуальных элит, наконец – милитаристский национализм как негативная самоидентификация, в крайних проявлениях приобретающая печально знакомые черты нацизма. Все это в полной мере, к несчастью, можно наблюдать в современной российской политике и направляемой ею массовой пропаганде.

Она оказалась пугающе эффективной. Хотя я не склонен серьезно относиться к цифрам социологических опросов, согласно которым поддержка

¹ Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. – Т. 28. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 570.

² Словарь по этике / Под ред. И. Кона. – М., 1975. – С. 342.

³ Гудков Л. Д. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. – 2013. – № 3–4. – С. 118–180.

нынешнего политического курса России по отношению к Украине якобы зашкаливает за 80 процентов, тем не менее нельзя недооценивать ее масштабов. Она требует объяснений. И, думается, здесь может помочь концепт под названием **Пост-тоталитарный синдром сознания**.

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезней, чем представлялось еще недавно. И, что для многих стало совсем уж неожиданным, не сработал «принцип Моисея», 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, ожидая, пока вырастет и войдет в силу новое поколение, не знавшее рабства. В качестве частичного объяснения произошедшего предлагаю следующую конструкцию.

Российское общество глубоко нездорово. Думается, одна из причин этого – комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространен на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности господствовавшей испокон веку системы общественных отношений, с другой – ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведенному укладу жизни, пусть далеко несовершенному, но единственно привычному и, следовательно, как угроза. Причем перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, может от них лишь выиграть. Но пугают риск и состоятельность. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев – лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему привлекательна. В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал еще Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится»¹. И для цинизма здесь открыто широкое поле.

Начнем с уровня *производителей смыслов*.! При этом «новый» извод политического цинизма опасней, ибо он демагогически маскируется такими словесными клише как «национальные интересы», «патриотизм», «исторические корни» и т. п., одновременно стигматизируя несогласных клише негативными – «пятая колонна», «национал-предатели» и пр. При этом даже не озабочиваются придумыванием новых слов, а просто без-

думно заимствуют из известных и давно дискредитированных себя источников. (Думаю, в этой аудитории уточнения не требуются.)

В том же «поле» находится и *наглость* как стиль политического поведения и его вербального оправдания. Причем чем она «круче», как и неизбежно сопровождающая ее ложь, тем «лучше» и, в краткосрочной перспективе, по видимости, эффективней. Это проявляется, например, на переговорах с западными политиками, которые тушуются от этого, когда «на голубом глазу» отрицаются очевидные вещи.

При том, что, как справедливо отмечают некоторые авторы, при привлечении политической экспертизы *выбор между качеством и лояльностью сделан в пользу последнего*,² и уровень экспертных оценок неизбежно понижается, этот «новый цинизм» не лишен некоторых претензий на интеллектуализм и рафинированность. Наряду с полу-блатными клише, используются и цитаты из серьезных философов прошлого – из И. Ильина², например, или даже Н. Бердяева. Правда, весьма избирательно и порой путанно и ошибочно, но этого хватает, чтобы придать некоторым «пещерным» вещам некий псевдоинтеллектуальный лоск и видимость «научности».

Но оставим политический истеблишмент и перейдем на уровень *потребителя смыслов*. Тут тоже стоит выделить несколько вещей.

Активистский конформизм! как форма демонстративной политической псевдоактивности. Ее ведущая «ценность» (если здесь это слово вообще уместно) – демонстративная поддержка любых шагов высокого начальства. Чтоб избежать, не вызывая лишних эмоций, совсем уж близких примеров, вспомним персонажа из «Двенадцати стульев», на вопрос о его политическом кредо ответившего одним словом – «всегда!».

Синдром «маленького человека»! Его суть выражается чем-то вроде «начальству видней» и т. п. Идея – быть подальше от «опасной» сферы политики и власти, максимально от нее дистанцироваться – «прикинуться несъедобным» (по Гудкову), или «шлангом», по-народному. А циничность этой позиции состоит в снятии с себя ответственности за все, происходящее за пределами маленького личного или группового мирка, в своего рода «самоиндульгенции».

Синдром одинокого человека! Он, по сути, служит той же цели, но в несколько ином вариан-

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. – М., 1991. – С. 114.

² Иван Ильин, верней, вырванные из него цитаты и их интерпретации, стали сейчас у некоторых наших склоняющихся к нацизму государственников весьма модным инструментом. Но это – сюжет отдельный.

те, выражающейся словами «что я могу один?». (Тут вспоминается сцена из старого «капустника» в постановке Э. Радзинского в студенческом театре МГУ, где эта фраза повторялась все более заполнявшими сцену людьми, в какой-то момент начинавших маршировать, повторяя этот рефрен – «что я могу один?».) А в плане более научном этот синдром «толпы одиноких» означает отсутствие чувства **солидарности** между людьми. В частности, это проявляется в качественной, на порядки, разнице количества людей, выходящих на уличные акции в наших и зарубежных городах в качестве реакции на какие-либо экстраординарные обстоятельства, например, убийства по политическим или религиозным мотивам – от убийства «неудобных» журналистов до убийств оппозиционных политиков. (Например, на марши после убийства Политковской в Англии вышли тысячи, в Риме – десятки тысяч человек; а в Москве – триста. Даже недавний траурный марш после убийства Немцова, все же собравший больше 50 тысяч человек, трудно сравнить с миллионным маршем в Париже после расстрела редакции Шарли Эбдо.)

Преставление (искреннее или лицемерное) о политике как о деле, несовместном с моралью, имманентно «грязном» и потому якобы недостойном для «порядочных людей» занятии. Дескать, главное в политике это – властолюбие, стремление к власти любой ценой, умение предать, обмануть и т. п. Увы, следует признать, что подобные мнения и суждения подкреплены обширной практикой, как исторической, так и современной. Однако, на мой взгляд, здесь происходит лукавая *подмена должного сущим, легитимация аморализма*. Сведение политики к «византизму», к макиавеллизму тоже имеет оттенок цинизма. Ибо отрицается такая несовместимая с цинизмом моральная категория как справедливость. А как писал блаженный Августин еще в IV веке, «в отсутствие справедливости что есть государства, как не просто большие шайки разбойников, и что есть шайки разбойников, как не государства в миниатюре»¹. Мне представляется, что именно наличие моральных факторов маркирует границу между *политикой* и *политиканством*. Ибо чем же иначе отличается политика от того, что на современном жаргоне называется преступным «беспределом»?! Еще можно сказать, что интегральная суть политцинизма – легитимация понижающей адаптации людей, приспособление к плохому и

примитивизирующему как к норме, якобы единственно возможному модусу.

Наверняка эта классификация не исчерпывающая. И можно многое добавить или иначе сформулировать, например, проекцию на другие собственные понижающие мотивы. Общим знаменателем мне представляется **глубокая ценностная деформация или даже ценностная аномия** у большинства нашего народа. Но отдающий безнадежностью тотально пессимистический взгляд на состояние нашего общества, мне кажется, не оправдан и к тому же оказывает деморализующее воздействие на людей, на их готовность действовать, менять что-либо к лучшему. Поэтому хотелось бы добавить немного оптимизма.

Цинизм – это своего рода «принципиальный» аморализм. А главная тенденция в сегодняшнем мире все же иная. В мире политики и сегодня полно цинизма. Но трагический опыт XX века все-таки кое-чему научил людей. Не переоценивая ни западных, ни, тем более, наших политиков, можно, тем не менее, с оговорками сказать, что в целом демократические страны, пусть спотыкаясь, оглядываясь, даже делая попятные шаги, но все же движутся к моральной политике. К этому политиков толкают возросший уровень обращаемых к ним общественных ожиданий и требований. Наступают «новые времена», когда даже политические циники вынуждены играть по другим правилам. Моральность политики выстрадана человечеством. И дело не только в «высоких идеалах», но и в прагматике. Вспоминается название книги Сергея Ковалева «Прагматика политического идеализма». Ведь в хотя бы относительно нормальных обществах *быть честным прагматически выгодно*, ибо бесчестность начисто губит репутацию человека и, соответственно, его карьерные и другие личные перспективы, делает его «нерукопожатным» с соответствующими последствиями.

Думается, что одним из лекарств против понижающей адаптации может быть *апелляция к адаптации повышающей*, противопоставление «банальности зла» по Ханне Арендт – «банальности героизма» по Ф. Зимбардо, писавшему в эпилоге «Эффекта Люцифера», что каждый может стать героем в некий момент. И совсем не обязательно «на баррикадах». В нашем случае это может быть излечение от синдромов общего тоталитарного прошлого. Осознание советского прошлого как разделяемой и россиянами, и украинцами общей травмы, может активизировать объединяющие людей и народы ценности. В человеке,

¹ Цит. по Графский В. Г. История политических и правовых учений. – М., 2005. – С. 185.

как говорится, много всякого «намешано». И надо апеллировать к лучшей его стороне – к чувству собственного достоинства, к самоуважению, к потребностям высших уровней (по пирамиде А. Маслоу), а не ограничиваться пусть даже самыми интеллектуально изощренными описаниями его низкой стороны и качеств и вытекающими отсюда модусами поведения, что становится легитимацией цинизма, независимо от намерений аналитиков, даже самых честных и благородных.

Долг и социальная ответственность интеллектуалов – противостоять легитимации политического цинизма, способствовать движению политического «маятника» назад, в среднее положение, (назовем его политической рациональностью или политическим реализмом).

К несчастью, значительная часть людей в России, статусно претендующих на роли интеллектуалов, не выдержала испытания разными искушениями и рисками (в основном мнимыми), пренебрегла этим долгом и приняла роль интеллектуальных приказчиков при власти. Про Украину, хотя и слежу, насколько могу, внимательно и с максимальными сочувствием и желанием успеха, хотя тоже не все идеализирую, знаю меньше и воздержусь от оценок.

Все же могу сказать, что в целом, по моим ощущениям и наблюдениям, в Украине – и в уличном поведении людей, и во многом другом (о Майдане уж и не говорю), в отличие от России, очень сильна струя апелляции именно к адаптации возвышающей. Я бы даже рискнул поделиться ощущением, что мы присутствуем при рождении *гражданской нации*.

Однако должен заметить, что этому противостоит существующий в обеих наших странах синдром этнического национализма. Понимаю, что в Украине он гораздо более объясним и оправдан, особенно по нынешним временам. Но все же он содержит в себе и немалую опасность. На эту тему сломано и ломается множество копий. Поэтому, не вмешиваясь в «битву», ограничусь одной малоизвестной цитатой из книги английского христианского мыслителя К. Льюиса «Любовь. Страдание. Надежда»: «Когда патриотизм становится бесом, он плодит и множит зло... Это чувство не безопасно. История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ

ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование. Чтобы он не приносил вреда, его надо принимать как сказание... Разновидность патриотизма – уже не чувство, а вера, твердая, даже грубая вера, что твоя страна или твой народ действительно лучше всех. А если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править? В самой крайней форме такой патриотизм становится тем расизмом толпы, который одинаково противен и христианству, и науке»¹.

Можно еще немало сказать на данную тему. В частности, о важной позитивной роли юмора и иронии, вспомнить о плакатах, о разных формах уличного акционизма – от «смеющейся нереволюции» до акций группы «Война» и креативнейших новосибирских ребят; о российском документальном фильме о художниках Майдана под названием «Музей “Революция”» и о многом другом. Увы, формат статьи этого не позволяет.

А завершить хочется большой цитатой из Карла Поппера, считавшего глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносит лишь новые беды, ибо вернуться в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма невозможно. «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество».²

И еще очень хочется, чтобы у Украины «получилось». Это важно не только для нее, но и для России, а, может, и для других стран, прокладывающих пути к открытому обществу – обществу будущего.

¹ Льюис К. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. – М., 1992. – С. 216–218.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. – М., 1992. – Т. 1. – С. 248.